

Глава VII. Учение Кропоткина

1. Общие замечания

1. Князь Петр Алексеевич Кропоткин родился в 1842 году в Москве. С 1862 до 1867 года он был офицером амурских казаков; за это время он объехал большую часть Сибири и Маньчжурии. С 1867 по 1871 год он изучал в Петербурге математику; в то же время он был секретарем Географического общества, по поручению которого он в 1871 году исследовал глетчеры Финляндии и Швеции.

В 1872 году Кропоткин ездил в Бельгию и Швейцарию, где он присоединился к Интернациональной Ассоциации Рабочих. В том же году он вернулся в Петербург и стал видным членом тайного кружка чайковцев. В 1874 году общество это было открыто; Кропоткин был арестован и посажен в тюрьму. Ему удалось, однако, в 1876 году бежать в Англию.

Из Англии Кропоткин в 1877 году переехал в Швейцарию, откуда был выслен в 1881 году. С того времени он жил попеременно то во Франции, то в Англии. Во Франции он был арестован в 1883 году за принадлежность к тайному обществу и осужден на пять лет тюремного заключения; он отбывал свое наказание до 1886 года, когда был помилован. С того времени Кропоткин живет в Англии.

Кропоткин выпустил описание путешествий и географические сочинения, а также книги из области философии права, политической экономии и политики.

2. Для понимания учения Кропоткина о праве, государстве и собственности наиболее важное значение имеют его мелкие сочинения, журнальные статьи и доклады. Статьи, которые он с 1879 по 1882 год печатал в женеvской газете «Le révolté», вышли в 1885 году отдельным изданием под заглавием «Paroles d'un révolté». Единственным большим сочинением, в котором изложено его учение, является: «La conquête du pain» (1892).

3. Кропоткин называет свое учение анархизмом. «Когда внутри Интернационала образовалась партия, не признававшая авторитета ни внутри этого союза, ни где бы то ни было, она называла себя сначала федералистической, а потом антиавторитетной или антигосударственной. Она не называлась тогда еще анархической. Слово "ан-архия" (так это слово писалось в то время) слишком напоминало Прудона, против реформатских идей которого Интернационал боролся. Но именно из-за этого противники называли их

анархистами для того, чтобы вызвать путаницу понятий. Кроме того это название делало возможным утверждение, что анархисты стремятся создать только беспорядок и хаос, не задумываясь ни над чем более. Анархическая партия, однако, не замедлила принять это название. Сначала она еще настаивала на разделении ан и архия, ссылаясь на то, что слово "ан-архия" греческого происхождения обозначает в этой форме отсутствие правления, а не беспорядок; вскоре, однако, она отказалась от бесполезного труда и поучений из области греческого языка и начала употреблять для себя это название без всяких поправок и разъяснений»⁴²⁴. И в самом деле, «слово "анархия", отрицающее современный так называемый "порядок" и напоминающее самый красивый момент в жизни народов, вполне подходит к партии, стремящейся создать лучшее будущее»⁴²⁵.

2. Основные принципы

По мнению Кропоткина, наивысшим законом для человека является закон развития человеческого прогресса от менее счастливой жизни к возможно более счастливой; из этого закона он выводит требование справедливости и требование активной деятельности.

1. Для людей высшим законом является закон развития человеческого прогресса от менее счастливого существования к существованию более счастливому. Существует «только один научный метод, метод естествознания»⁴²⁶; этот метод мы употребляем также и «в науках, занимающихся человеком»⁴²⁷. а особенно в «науке об обществе»⁴²⁸. Во всех науках совершается теперь могущественный переворот⁴²⁹ благодаря «эволюционной философии»⁴³⁰. «Старая идея, что все в природе постоянно, умерла, разрушена и оставлена. Все в природе изменчиво, ничто не остается, ни утес, который нам кажется неподвижным, ни континент, который мы называем «твердой землей», ни житель с его потребностями, привычками и идеями. Все, что мы видим вокруг себя, есть проходящее явление и должно перемениться, потому что неподвижность равносильна смерти»⁴³¹. У организмов это развитие прогрессивно благодаря «их удивительной способности приспособиться к жизненным условиям. Они развивают такие свойства, посредством которых весь организм все совершеннее и совершеннее приспособляется к своей среде, а каждая часть организма к потребностям свободной взаимной деятельности»⁴³². Это и есть «борьба за существование», которая, таким образом, не должна быть понимаема только в узком смысле «борьбы за средства к существованию»⁴³³.

«Развитие никогда не совершается с такой медленностью и постепенностью, как это полагали. Эволюция и революция попеременно уступают друг другу место, и революции, т.е. периоды ускоренной эволюции, точно так же отвечают единству природы, как и эпохи более медленной эволюции»⁴³⁴. «Порядок — это свободное равновесие всех сил, действующих на одну и ту же точку; если некоторые из этих сил задержаны в своей деятельности человеческой волей, они не перестают из-за этого действовать, но их действия накапливаются для того, чтобы в один прекрасный день прорвать искусственную плотину и совершить переворот»⁴³⁵.

Эти общие положения Кропоткин применяет к общественной жизни людей⁴³⁶. «Общество есть скопление организмов, которые стараются удовлетворять потребности каждого

отдельного человека и содействовать сообща благу всего рода»⁴³⁷; общество — это «целое, служащее тому, чтобы осуществить возможно наибольшее количество счастья при наименьшей потере человеческих сил»⁴³⁸. Человеческие общества развиваются⁴³⁹. и можно попытаться определить это развитие⁴⁴⁰. Человеческие общества развиваются от низших форм организации к высшим⁴⁴¹; но цель этого развития, т.е. тот пункт, к которому оно стремится, состоит «в осуществлении лучших условий для достижения величайшего счастья человеческого»⁴⁴². То, что мы называем прогрессом, есть истинный путь к этой цели⁴⁴³; человечество может временами отклоняться от этого пути, но в конце концов оно постоянно снова попадает на путь прогресса⁴⁴⁴.

Но и здесь эволюция совершается не без революций. То, что имеет значение для взглядов человека, климата страны, для свойств вида, тоже имеет значение и для обществ; «они развиваются медленно, но иногда наступает время самых быстрых переворотов»⁴⁴⁵. Случается, что перед стремлением человеческих обществ к достижению возможно большего количества счастья вырастают препятствия⁴⁴⁶. «Всюду рождаются новые мысли, которые стремятся выйти наружу и найти свое применение в жизни, но они задерживаются инерцией всех тех, которые заинтересованы в сохранении старого порядка; они задыхаются под тяжестью состарившихся предрассудков и традиций»⁴⁴⁷. «Политические, экономические и социальные учреждения превращаются в развалины, а здание, ставшее необитаемым, мешает развитию всего того, что произрастает в его щелях и вокруг него»⁴⁴⁸. «Тогда необходимы крупные события, которые мгновенно порвали бы нити истории, выбросили бы человечество из его старой колеи и дали бы ему новое направление»⁴⁴⁹; «революция становится настоятельной необходимостью»⁴⁵⁰. «Человек узнал свое положение в природе, он узнал, что его учреждения — суть его создания, что один только он может их преобразовать»⁴⁵¹. «На что только не отваживалась техника, и чего только не совершают в настоящее время литература, образовательное искусство, драма, музыка!»⁴⁵² Поэтому и там, где какие-нибудь учреждения задерживают общественный прогресс, мы должны «начать борьбу для того, чтобы создать для всех богатую и обильную жизнь»⁴⁵³.

2. Из закона развития человеческого прогресса от менее счастливой жизни к более счастливой Кропоткин выводит требование справедливости и требование активной деятельности.

В борьбе за существование человеческие общества развиваются по направлению к такому состоянию, в котором осуществляются наилучшие условия для достижения наибольшего счастья человечества⁴⁵⁴. Если мы что-нибудь считаем хорошим, то мы этим говорим, что это хорошее способствует достижению цели, т.е. приносит пользу обществу, в котором мы живем, плохим же мы называем то, что, по нашему мнению, препятствует достижению цели, т.е. вредит обществу, в котором мы живем⁴⁵⁵.

Взгляды на то, что способствует установлению наилучших условий для достижения наибольшего человеческого счастья и что этому препятствует, т.е. взгляды на то, что полезно и что вредно для общества, могут, конечно, меняться⁴⁵⁶. Но при всем различии мнений всегда должно быть признано одно основное требование для достижения цели. Его «можно кратко выразить положением: делай другим то, что ты хочешь, чтобы в подобном

случае другие делали по отношению к тебе»⁴⁵⁷. Но это положение есть «не что иное, как основное положение равенства»⁴⁵⁸; равенство же, в свою очередь, «обозначает то же самое, что солидарность»⁴⁵⁹, «справедливость»⁴⁶⁰.

Однако существует еще другое основное требование для достижения цели. Это «нечто более высокое, красивое и сильное, чем простое равенство»⁴⁶¹. Его можно выразить следующим образом: «Будь силен, будь страстен в мышлении и действии, и тогда твой разум, твоя любовь и сила твоих действий передадутся другим»⁴⁶².

3. Право

I. С прогрессом человечества, от жизни менее счастливой к жизни более счастливой, по мнению Кропоткина, должно исчезнуть не право, а законом установленное право.

1. Законом установленное право представляет собой препятствие для прогресса человечества по направлению к возможно наибольшему счастью.

«Уже тысячи лет твердят правители: уважение перед законом»⁴⁶³; «в современных государствах на новый закон смотрят как на средство против всякого зла»⁴⁶⁴. «Но закон не может претендовать на уважение людей»⁴⁶⁵. «Закон есть искусственное смешение тех обычаев, которые полезны обществу и могут быть уважаемы также и без закона, с теми, которые полезны только для господствующего меньшинства, для масс же вредны и потому поддерживаются только страхом и боязнью»⁴⁶⁶. «Закон, сначала представлявший собой соединение обычаев, поддерживающих общество, теперь является только орудием, которое способствует эксплуатации и господству богатых лентяев над рабочими массами. Закон не имеет в настоящее время никакой культурной задачи. Его единственной задачей является защита эксплуатации»⁴⁶⁷. «На место прогрессивного развития он ставит окаменелую неподвижность»⁴⁶⁸. «он стремится к тому, чтобы увековечить обычаи, полезные для господствующего меньшинства»⁴⁶⁹.

«Рассматривая те миллионы законов, которым повинуются человечество, можно наметить среди них три обширных класса: законы для защиты собственности, законы для защиты правительства и законы для защиты личности. При анализе этих трех классов всегда приходишь к одному и тому же результату: к бессмысленности и вредности закона. Насколько ценна защита собственности, это социалисты знают хорошо. Законы о собственности существуют не для того, чтобы обеспечить отдельным лицам или обществам доход с их труда, а, наоборот, для того, чтобы лишить производителя части его продукта и защитить меньшинство в его пользовании тем, что оно похитило у производителя или всего общества»⁴⁷⁰. Что касается законов для защиты правительства, то «мы знаем прекрасно, что все правительства без исключения имеют своей задачей сохранение при помощи насилия привилегий имущих классов, аристократии, духовенства и буржуазии. Нужно только проанализировать все эти законы, наблюдать их ежедневное действие для того, чтобы убедиться в том, что ни один из них не стоит того, чтобы его сохраняли»⁴⁷¹. Точно так же «излишни и вредны, наконец, и законы, предохраняющие личность, налагающие наказание и препятствующие "преступлениям". Страх наказания не удержал еще ни одного

убийцу. Кто желает убить своего ближнего из мести или нужды, тот не задумывается над последствиями, и до сих пор каждый убийца еще был твердо убежден в том, что он избегнет преследования. Если бы убийство было объявлено безнаказанным, то количество убийств не только не увеличилось бы, но скорее уменьшилось бы, так как теперь многие убийства совершаются рецидивистами, испорченными в тюрьме»⁴⁷².

2. Человечество уже прошло ту ступень развития, которой соответствует установленное законом право.

«Закон сравнительно юное образование. Человечество многие столетия жило без всяких писанных законов. Тогда отношения людей между собою регулировались простыми привычками и обычаями, которые старина сделала священными и которые всякий усваивал себе с малолетства, как, например, охоту, скотоводство или хлебопашество»⁴⁷³. Но когда общество стало все больше и больше распадаться на два враждебных класса, на класс господствующих и класс лишенных власти, временный победитель старался каждый раз упрочить законченный факт и во всех отношениях осветить его с той стороны, которую побежденный считал священной. Тогда-то явился закон, освященный церковью и защищаемый кулаком солдата»⁴⁷⁴.

Однако дни закона уже сочтены. «Везде существуют бунтовщики, не желающие больше повиноваться закону, пока они не узнают, откуда он произошел, в чем его польза, по какому праву он требует повиновения и что за основание для того, чтобы уважать его. Они подвергают своей критике все то, что до сих пор считалось основанием общества, и прежде всего фетиш, закон»⁴⁷⁵. Момент его исчезновения, который мы должны постараться ускорить⁴⁷⁶. близок⁴⁷⁷ и, может быть, наступит еще в конце девятнадцатого столетия⁴⁷⁸.

II. На ближайшей ступени развития, которой человечество должно вскоре достигнуть, законное право не будет существовать; будет существовать лишь право вообще. «Законы будут отменены совершенно»⁴⁷⁹; «неписаных обычаев»⁴⁸⁰. «обычного права», как выражаются юристы⁴⁸¹. «будет достаточно для того, чтобы сохранить добрый мир»⁴⁸². Эти нормы ближайшей ступени развития основываются на общей воле⁴⁸³. а их исполнение будет достаточно гарантировано «потребностью каждого человека в содействии, помощи и расположении»⁴⁸⁴. равно как и боязнью исключения из общества⁴⁸⁵. В необходимых же случаях исполнение норм будет вынуждено вмешательством отдельного гражданина⁴⁸⁶ или массы⁴⁸⁷; они будут, следовательно, правовыми нормами.

Из правовых норм ближайшей ступени развития Кропоткин упоминает прежде всего те, в силу которых должны быть выполняемы договоры⁴⁸⁸.

Затем, согласно Кропоткину, на ближайшей ступени развития будет существовать такая правовая норма, в силу которой не только средства производства, но и все вещи вообще будут представлять собой общественную собственность⁴⁸⁹.

Дальнейшей же правовой нормой ближайшей ступени развития будет, по мнению Кропоткина, такая норма, в силу «которой каждый участник производства будет иметь право не только на жизнь, но также и право на покойную жизнь»⁴⁹⁰.

4. Государство

I. С прогрессом, от менее счастливой жизни к жизни более счастливой, государство, по мнению Кропоткина, скоро должно исчезнуть.

1. Государство есть препятствие для развития человечества по направлению к возможно большему счастью.

«Чему же служит эта огромная машина, которую мы называем государством? Служит ли оно тому, чтобы помешать эксплуатации рабочего капиталистом, мужика землевладельцем? или тому, чтобы укрепить за нами работу? чтобы защитить нас от ростовщичества? чтобы дать нам пищу, если мать имеет только воду для своего ребенка? Нет, тысячу раз нет!»⁴⁹¹

«Государство вмешивается во все наши дела и держит нас в своих объятиях от колыбели до гроба. Оно определяет все наши поступки, накапливает горы законов и распоряжений, в которых не в силах разобраться самый ловкий адвокат. Оно создает целую армию чиновников, которые сидят, как пауки в паутине, и видят мир только сквозь грязные стекла своей канцелярии. Громадные, постоянно возрастающие суммы, беспрестанно взимаемые государством с народа, никогда не бывают достаточны; государство живет на счет будущих поколений и все более и более приближается к банкротству. "Государство" обозначает то же самое, что и "война"; одно государство старается ослабить другие и уничтожить их для того, чтобы навязать ему свои законы, свою политику, свои торговые договоры и обогатиться на его счет. Война является теперь в Европе обыкновенным состоянием; поводов к войне имеется в запасе хоть на тридцать лет. Одновременно с внешней войной свирепствует и внутренняя война. Государство, которое в начале должно бы было быть защитой для всех, в особенности для слабых, теперь стало орудием богатых против эксплуатируемых, орудием обладателей против неимущих»⁴⁹².

При этом нет никакой разницы между различными формами государства. «В конце прошлого века французский народ низвергнул монархию и последний неограниченный король поплатился за свои преступления и преступления своих предшественников своей головой на эшафоте⁴⁹³. «Позднее все страны континента прошли то же самое развитие — они низвергнули свои неограниченные монархии и усвоили себе систему парламентаризма»⁴⁹⁴. «Теперь замечают, что парламентаризм, на который возлагались столь большие надежды, стал повсюду орудием интриг и средством для личного обогащения и вредных для народа стремлений»⁴⁹⁵. «Подобно всякому деспоту, каждое народное представительство — называйся оно парламентом, конвентом или чемнибудь другим, будь оно создано префектами Бонапарта или выбрано восставшим городом на основании всевозможных свобод, — всегда будет стремиться к тому, чтоб расширить свое ведомство, увеличить свою власть всякого рода добавлениями и подавить самодеятельность личности или группы путем закона»⁴⁹⁶. «Только сорокалетнее движение, охватившее пламенем страну, заставило английский парламент обеспечить за арендаторами значение завоеванных ими улучшений. Если же события развернулись так, что интересам капиталистов угрожает падение путем ли восстания или только подстрекательства, — о! тогда каждое народное представительство готово на все меры, тогда оно действует беспощаднее и трусливее любого деспота. Безымянное животное с

шестьюстами голов превзошло Людовика Одиннадцатого и Ивана Четвертого»⁴⁹⁷.
«Парламентаризм внушает отвращение каждому, кто видел его вблизи»⁴⁹⁸.

«Господство людей, называющих себя «правительством», несовместимо с нравственностью, основанной на солидарности»⁴⁹⁹. Это доказывается лучше всего «так называемыми гражданскими правами, значение и ценность которых буржуазная пресса восхваляет каждодневно на все лады»⁵⁰⁰. «Но разве права эти созданы только для тех, которые нуждаются в них? Конечно, нет. Всеобщее избирательное право может иной раз защитить буржуазию от вмешательства центральной силы, оно может установить равновесие двух сил, в то время как раньше для этого обе стороны вынуждены были употребить насилие друг против друга. Но оно лишено ценности, когда речь идет о том, чтобы низвергнуть или хотя бы только ограничить насилие. Для господствующих классов это — прекрасное средство при решении своих споров; но какую же пользу может оно принести поработленным? Так же дело обстоит и со свободой печати. Что говорит в пользу свободы печати, по мнению буржуазии? Ее бессилие. «Посмотрите, — говорит, — на Англию, Швейцарию, Соединенные Штаты. Там пресса свободна, и нигде, однако, господство капитала не достигает такого могущества, как там». То же самое думают и о праве союзов. «Почему нам не дать полной свободы союзов?» — говорит буржуазия. — Она не причинит вреда нашим привилегиям. Мы должны бояться только тайных обществ; открытые фреймсы наилучшее средство для того, чтобы парализовать их». «Неприкосновенность жилища? — говорит хитрая буржуазия. — Разве мы не должны охранять ее, и неужели полиция должна повсюду совать свой нос? В нужный момент мы не посмотрим на эту неприкосновенность и арестуем людей в постелях». «Тайна писем? Пусть будет провозглашена их неприкосновенность, при ней мы тоже будем иметь возможность сохранять наши маленькие тайны. В случае заговора против наших привилегий мы не будем больше церемониться. А если кто-нибудь будет противоречить, то мы скажем то, что недавно один английский министр кратко высказал, при одобрении всего парламента, в следующих словах: «Да, господа, с тяжелым сердцем и глубоким отвращением вынуждены мы вскрыть письма, но отечество (т.е. аристократия и буржуазия) в опасности!» Вот они, политические права. Свобода печати и союзов, неприкосновенность жилища и все остальное терпимо лишь до тех пор, пока народ ими не пользуется против привилегированных классов. Но в тот день, когда народ начнет пользоваться ими для уничтожения привилегий, все эти «права» будут выброшены за борт»⁵⁰¹.

2. Человечество скоро пройдет ту ступень развития, которой соответствует государство. Государство осуждено на смерть⁵⁰².

Государство «сравнительно юного происхождения»⁵⁰³. «Государство — это историческая формация, ставшая в известное время в жизни всех народов постепенно на место свободных союзов. Церковь, закон, военная сила и богатство, добытое грабежом, стали столетия тому назад общими фактами; камень за камнем, посягательство за посягательством были созданы они и осуществили чудовищный порядок, который проник в конце концов во все уголки общественной жизни и который мы называем государством»⁵⁰⁴.

Теперь государство находится в состоянии разложения. «Народы, особенно латинской расы, хотят уничтожить его могущество, которое только препятствует их свободному развитию;

они хотят самостоятельности провинций, общин и рабочих групп, они не желают нести на себе такого господства и стремятся образовать между собой свободные союзы»⁵⁰⁵.

«Разложение государства подвигается вперед с ужасающей быстротой. Государства стали слабыми стариками, с морщинистой кожей и трясущимися ногами, разъедаемыми внутренними болезнями и лишенными понимания новых идей. Они расточают свои небольшие силы, которые еще сохранились, живут на счет своих сочтенных уже дней и ускоряют свой конец, набрасываясь друг на друга, как старые бабы»⁵⁰⁶. Момент исчезновения государства, следовательно, близок⁵⁰⁷. По мнению Кропоткина, он наступит через несколько лет⁵⁰⁸. или в конце девятнадцатого века⁵⁰⁹.

II. На ближайшей ступени развития, которой человечество должно скоро достигнуть, место государства займет совокупное общежитие людей на почве правовой нормы, состоящей в том, что договоры должны быть выполняемы. Анархизм «неизбежно»⁵¹⁰ является «ближайшей высшей формой общественного развития»⁵¹¹.

1. И после уничтожения государства люди будут жить общественной жизнью, но не правительственное насилие, а правовой договор будет связывать их между собой. «Свободное единение отдельных личностей в группы, групп в союзы, свободное развитие от простого к сложному, смотря по желанию и по симпатии»⁵¹². — вот будущая форма общества.

Мы можем уже в настоящее время заметить рост анархического движения, т.е. движения, «имеющего своей целью ограничение правительственной деятельности. После того как человечество испробовало все формы правления, оно хочет теперь сбросить все правительственные оковы, жить лучше сообща и в полной свободе»⁵¹³. «Свободные союзы начинают завоевывать себе все поле человеческой деятельности»⁵¹⁴. «Громадные организации, основывающиеся единственно на соглашении, становятся все многочисленнее и многочисленнее. Примером служат: сеть железных дорог по Европе, которая основывается на соединении сотен самостоятельных обществ, Голландские общества кораблехозяев уже начали вытеснять немецкое речное судоходство и озерную торговлю на Восточном Озере, многочисленные торговые союзы и синдикаты во Франции. Более благородным целям служит общество для спасения потерпевших кораблекрушение, госпитальное общество и сотни подобных организованных союзов. Особенное внимание обращает на себя общество Красного Креста: задачей государства остается умерщвление людей на поле битвы, но это самое государство показывает себя неспособным помогать своим раненым и передает это дело по большей части частным лицам»⁵¹⁵. «Эти стремления получают свободное развитие, найдут новые области применения, разрастаясь колоссально, и образуют основы будущего общества»⁵¹⁶.

«Соглашение между сотнями обществ, которым принадлежат в Европе железные дороги, установилось непосредственно, без вмешательства какой-нибудь центральной силы, которая предписывала бы различным обществам законы. И это обоюдное согласие поддерживается конгрессами, на которые съезжаются делегаты, чтобы сообща вести переговоры и предложить затем своим доверителям не законы, а планы. Это совершенно новый порядок, чуждый, безусловно, всякого правительства, будь то монархическое или республиканское, абсолютное или конституционное правительство. Это новшество сначала

проникает в Европу медленным шагом, но ему принадлежит зато будущее⁵¹⁷.

2. «Как разовьется в будущем обществе общественная жизнь, над этим было бы бессмысленно сейчас ломать голову. Но относительно основных черт мы уже теперь должны согласиться»⁵¹⁸. «Мы не должны забывать, что мы, может быть, через один или через два года будем призваны решать все вопросы социального устройства»⁵¹⁹.

Будут существовать общины; но «эти общины вовсе не представляют из себя группировки людей в определенной области; они не знают границ и стен; община есть группировка единомыслящих и не является строго отфаниченным целым. Различные группы одной общины будут чувствовать себя связанными с подобными же фуппами других общин; они будут с ними связаны такой же надежной связью, как и со своими согражданами; таким образом, получают осуществление сообщества по одинаковости интересов, члены которых будут рассеяны в тысячах городов и деревень»⁵²⁰.

Люди будут соединяться в такие общины посредством «договоров»⁵²¹. Они «примут на себя обязанности по отношению к обществу»⁵²². которое со своей стороны по отношению к ним будет иметь свои обязательства⁵²³. Не нужно будет принуждать к исполнению этих договоров⁵²⁴. не будет надобности ни в наказаниях, ни в судьях⁵²⁵. Исполнение договоров будет достаточно гарантировано «потребностью каждого в сотрудничестве, помощи и расположении»⁵²⁶; кто не исполнит своих обязанностей, того можно будет исключить⁵²⁷.

В общинах всякий «сам будет делать все нужное, не ожидая приказов правительства»⁵²⁸. «Община уничтожит государство не для того, чтобы его опять восстановить»⁵²⁹. «Люди поймут, что можно пользоваться наибольшей свободой и наибольшим счастьем, если и не иметь никаких депутатов и так же мало надеяться на народных представителей, как на провидение»⁵³⁰. Не будет темниц и никаких других карательных учреждений⁵³¹; «наилучшим средством против немногочисленных антисоциальных поступков, которые должны еще будут происходить, будет хорошее обращение, нравственное влияние и свобода»⁵³².

Общины, в свою очередь, соединяются между собой точно так же, как и члены отдельных общин, при помощи договоров⁵³³. «Община будет признавать для себя интересы только того союза, с которым она свободно заключила договор»⁵³⁴. «Ввиду многочисленности наших потребностей один союз вскоре не будет более достаточен; община почувствует необходимость образовать еще иные связи, присоединиться к тому или другому союзу иного порядка. В целях добывания средств к существованию она сделалась сочленом одной группы. Теперь она должна присоединиться к другой для того, чтобы получить другие предметы, в которых она нуждается, например, металл, а потом и к третьей и четвертой, которые доставят ей материи и произведения искусств. Если взять в руки экономический атлас какой-нибудь страны, то станет ясно, что для этого не существует экономических границ: области производства и обмена различными предметами проникают друг в друга, уничтожают собственные границы и взаимно покрываются. Таким образом, союзы общин, если бы они последовали своему естественному развитию, скоро получили бы такое же, лишенное взаимных границ, распространение и образовали бы бесконечно частую сеть и совсем иное «единство», чем государства, отдельные части которых лежат друг подле

друга единственно, как прутья около топора ликтора»⁵³⁵.

3. Будущее общество будет в состоянии легко выполнить все те задачи, которые теперь выполняет государство.

«Предположим, что необходимо устроить улицу. В таком случае жители соседних общин могут взаимно соединиться, и они сделают это дело лучше, чем министр общественных работ. Или, предположим, необходима железная дорога. И тут также заинтересованные общины соорудят нечто совсем иное, чем предприниматель, который построит небольшое расстояние и заработает на этом миллионы. Или нужны школы. Их можно самим устроить, и по меньшей мере так же хорошо, как это делают господа в Париже. Предположим, что враг напал на страну. В таком случае мы защитим себя сами, вместо того чтобы полагаться на генералов, которые могут изменить нам. Или крестьянин должен добыть себе орудия производства и машины. Тогда он вступает в союз с городскими рабочими, и эти последние будут доставлять ему их в виде натуральной платы за его произведения; в таком случае предприниматель, который теперь обкрадывает и рабочего, и крестьянина, станет лишним»⁵³⁶. «Или положим, что возникли небольшие раздоры или сильный желает поработить слабого. В первом случае народ сам устроит третейский суд, во втором же случае каждый гражданин вменит себе в обязанность самому вмешаться и не ждать полиции; полицейские будут так же не нужны, как и судьи и тюремные сторожа»⁵³⁷.

5. Собственность

I. С прогрессом человечества, от менее счастливой жизни к жизни более счастливой, скоро исчезнет, согласно Кропоткину, не собственность вообще, а ее современная форма, т.е. частная собственность.

1. Частная собственность стала препятствием для развития человечества по направлению к высшему счастью.

Каковы же в настоящее время результаты частной собственности? «Кризис, который раньше обострялся, теперь стал хроническим; кризис в хлопчатобумажном производстве, кризис в горной промышленности, кризис в часовом деле — все эти кризисы свирепствуют теперь одновременно, и им конца не видно. Безработных теперь считают в Европе многими миллионами; десятками тысяч считают тех, которые нищенствуют по городам и собираются массами для того, чтобы с угрозами требовать «работы или хлеба». Большие отрасли промышленности уничтожаются, большие города, как, например, Шеффилд, пустеют. Все затихает там, где царствуют нужда и бедность: дети бледны, женщины за одну зиму стареют на пять лет, болезнь и смерть свирепствуют среди рабочих, — и начинают поговаривать о перепроизводстве!»⁵³⁸ Можно было бы признать, что по крайней мере на крестьянское земельное владение частная собственность оказывает благотворительное влияние⁵³⁹. «Но золотой век миновал для мелкого крестьянства. Оно вряд ли сознает, как оно должно нынче пробиваться. Оно вязнет в долгах, становится жертвой скотопромышленников, кулаков и ростовщиков; вексель и ипотека губят всякую деревню еще более, чем ужасающие государственные и общественные поборы. Положение мелкой

собственности отчаянное, и если мелкий деревенский землевладелец еще по имени остается собственником, то на самом деле он уже не что иное, как оброчник капиталистов и ростовщиков»⁵⁴⁰.

Но частная собственность имеет еще и другие, косвенные результаты. «Пока мы имеем касту лентяев, которые могут питаться от нас под тем предлогом, что они должны руководить нами, до тех пор эти лентяи будут рассадником заразы для общей нравственности. Кто живет лениво и глупо, заботится постоянно только о новых удовольствиях, кто уже по сущности своего существования не может понимать солидарности и образом своей жизни развивает в себе низкий эгоизм, — тот будет всегда предаваться низким и самым грубым наслаждениям и все кругом себя унижать для своего удовольствия. Он будет жить своим кошельком, полным талерами, и своими животными потребностями, будет бесчестить и женщин, и детей, унижать искусство, театр, прессу, продаст свое отечество и его защитников, и так как у него не хватит смелости покончить с собой, он допустит умерщвление выборных своего народа, если только хоть один день будет бояться за целостность своей мощны»⁵⁴¹. «Год за годом растут тысячи детей в телесной и нравственной нечистоте наших больших городов, среди испорченного борьбой за насущный хлеб населения, причем каждый день они видят безнравственность, праздность, расточительность и блеск, которыми полны эти самые города»⁵⁴². «Так порождает постоянно общество такие существа, которые неспособны к честной и трудолюбивой жизни и полны антисоциальных чувств. Оно чтит их, когда они успевают в своих преступлениях, и сажает их в смиренный дом, если они несчастливы»⁵⁴³.

«Частная собственность нарушает справедливость». «Все накопленное богатство создал общественный труд, труд настоящего и прошедших поколений. Дом, в котором мы собираемся, имеет ценность только потому, что он находится в Париже, который занимает господствующее положение и в котором труд накапливался двадцатью поколениями. Если бы его перенести на снежные поля Сибири, он сделался бы почти лишенным ценности. Вот эта машина, тобою изобретенная и для тебя патентованная, заключает в себе труд пяти или шести поколений; она имеет ценность, как часть того огромного целого, которое мы называем индустрией девятнадцатого столетия. Дать твою кружевную машину папуасам из Новой Гвианы — и она потеряет значение»⁵⁴⁴. «Наука и промышленность, теория и практика, изобретение и исполнение, которое ведет опять к новым изобретениям, умственная и физическая работа, — все это связано между собой. Всякое открытие, всякий прогресс, всякое увеличение наших богатств вытекает из общей физической и духовной деятельности прошлого и настоящего. По какому праву кто-либо может присвоить себе хоть малейшую частицу этого целого и сказать: это принадлежит мне, а не вам»⁵⁴⁵. Но это несправедливое присвоение того, что принадлежит обществу, тем не менее происходит. «С течением времени немногие присвоили себе все то, что делает возможным для людей производство товаров и рост их производительной силы. В настоящее время земля, которая своей ценностью обязана потребностям постоянно увеличивающегося населения, принадлежит меньшинству, которое может препятствовать народу в ее обработке и в действительности препятствует ему в этом или по меньшей мере не позволяет обрабатывать ее соответственно потребностям нового времени. Рудники, представляющие собой труд поколений, ценность которых основывается единственно на потребностях индустрии и на плотности населения, тоже принадлежит немногим, и эти немногие

ограничивают добывание угля или запрещают его совершенно, если находят лучшее применение своим деньгам. И машины представляют собой собственность горсточки людей, и даже, если машина до нынешнего своего совершенства доведена, несомненно, тремя поколениями рабочих, она тем не менее принадлежит немногим работодателям. Дороги, которые без густого населения, индустрии, торговли и сношений были бы железным хламом, принадлежат двум-трем акционерам, которые, быть может, совсем не знают тех расстояний, из которых они извлекают княжеские доходы»⁵⁴⁶.

2. Ступень развития, к которой относится частная собственность, будет скоро перейдена человечеством. Частная собственность осуждена на гибель⁵⁴⁷.

Частная собственность — это историческое образование; оно «развилося, как паразит, среди свободных учреждений наших предков»⁵⁴⁸ в самой тесной связи с государством.

«Политическое устройство общества есть постоянное выражение и освящение его экономического строя»⁵⁴⁹. «Происхождение и право на существование государства заключается в том, что оно все делает в пользу имущих и во вред неимущим»⁵⁵⁰.

«Всемогущество государства — это фундамент, на котором зиждется сила буржуазии»⁵⁵¹.

Но частная собственность уже пошла навстречу своему разложению. «Экономический хаос не может долго поддерживаться. Народ утомлен кризисами, которые вызываются алчностью господствующих классов. Он хочет работать и жить, а не мучиться два-три года из-за скудной платы для того, чтобы затем на многие годы стать жертвой нищеты и объектом благотворительности. Рабочий видит праздность господствующих классов, он видит, что они не способны ни понять его стремлений, ни руководить производством и обменом товаров»⁵⁵². «Характерной чертой нашего века является рост социализма и неудержимое распространение социалистических воззрений среди рабочего класса»⁵⁵³. Момент исчезновения частной собственности, следовательно, близок; произойдет ли он через несколько лет⁵⁵⁴ или в конце девятнадцатого столетия⁵⁵⁵ — все равно он скоро наступит⁵⁵⁶.

II. На ближайшей ступени человеческого развития, которая согласно этому скоро должна наступить, собственность будет так преобразована, что превратится в общественную собственность. «Ближайшей, высшей формой общественного развития»⁵⁵⁷ будет, и притом «неизбежно»⁵⁵⁸, не только анархизм, но «анархический коммунизм»⁵⁵⁹. «Стремление к экономической и стремление к политической свободе суть выражения одной и той же потребности в равенстве, на которой основывается всякая историческая борьба»⁵⁶⁰; «наше столетие характеризуется той силой, с которой выступают оба эти стремления»⁵⁶¹.

Таким образом, всякому человеку, участвующему известным образом в производстве, будет гарантирована приятная жизнь.

1. На ближайшей ступени человечества будет известна только общественная собственность.

Во все современные учреждения постоянно проникает коммунистический дух. Налоги на мосты уничтожаются, и проезд по ним становится свободным; шлагбаумы исчезают, и улицы становятся открытыми для проезда. Тот же дух проникает собой тысячи других

учреждений. Музеи, библиотеки, общественные школы, парки и места для игр, вымощенные и освещенные улицы открыты для всех. По отношению к водопроводу все сильнее и сильнее обнаруживается стремление оставлять без внимания количество употребляемой в каждом хозяйстве воды. Железные и конные дороги уже вводят расписания и единые тарифы и пошли бы еще дальше в этом направлении, если бы они не представляли собой частной собственности⁵⁶².

Будущее общество будет, таким образом, коммунистическим. «Первым делом общины девятнадцатого столетия будет то, что она овладеет всем общественным капиталом, накопленным в ее недрах»⁵⁶³. «Это справедливо «по отношению к средствам потребления точно так же, как и к средствам производства»⁵⁶⁴. «Существует стремление различать капитал, который служит обществу для производства, и капитал, который удовлетворяет жизненные потребности, и утверждать, что машины, фабрики и сырой продукт, средства передвижения, а также земля должны стать общественной собственностью, тогда как жилища, обработанный материал, платья и съестные припасы должны, наоборот, оставаться частной собственностью. Это различие ошибочно и неосуществимо. Дом, нас предохраняющий своими стенами, уголь и газ, которые мы зажигаем, пища, согревающая наше тело, одежда, покрывающая нас, и книга, из которой мы поучаемся, равно как и удовольствия, которыми мы наслаждаемся, — все это представляет важность для нашего существования и настолько же необходимо для успешного производства и дальнейшего развития человечества, как и машины, фабрики, сырые продукты и иные факторы производства. При существовании частной собственности на них останутся существовать и неравенство, угнетение и эксплуатация; частичное уничтожение частной собственности было бы с самого начала бесполезно»⁵⁶⁵.

Нечего при этом опасаться одиночества коммунистических общин⁵⁶⁶. «Если бы в настоящий момент какой-нибудь большой город преобразовался в коммунистическое сообщество и была бы осуществлена общность не только орудий труда, но и средств потребления, то вскоре бы на его рынках появились обозы, а из дальних портов прибыли бы сырые продукты, конечно, в том случае, если он не был бы обложен кругом вражескими войсками; но продукты производства, удовлетворив потребности населения, стали бы искать покупателей во всех концах света; чужестранцы устремились бы сюда и изблизи, и издалека толпами, а потом дома рассказывали бы об удивительной жизни свободного города, где все работают, где нет ни бедных, ни угнетенных, где каждый пользуется плодами трудов своих и никто не причиняет благодаря этому ущерба другим людям»⁵⁶⁷.

2. Коммунизм будущего общества не будет «монастырским или казарменным коммунизмом, как его раньше проповедовали, а будет свободным коммунизмом, который предоставит общее производство во всеобщее распоряжение, причем каждый будет иметь свободу пользоваться им по своему усмотрению»⁵⁶⁸. Выяснить себе все детали коммунизма теперь, конечно, еще невозможно: «однако же мы должны держаться одного мнения относительно его основных пунктов»⁵⁶⁹.

Какую форму примет производство богатств?

Прежде всего должно быть произведено то, что «необходимо для удовлетворения первичных потребностей людей»⁵⁷⁰. Для этого достаточно того, «чтобы все взрослые, за исключением тех женщин, на которых лежит обязанность воспитывать детей, обязались бы с двадцати или двадцати пяти лет до сорока пяти или пятидесяти ежедневно посвящать пять часов по собственному выбору одной из тех работ, которая признана необходимой»⁵⁷¹. «Так, например, каждое общество заключит со своим членом такого рода договор: Мы предоставим тебе пользование нашими домами, амбарами, улицами, путями передвижения, школами, музеями и т.д. под условием, что ты с двадцати лет до сорока пяти или пятидесяти ежедневно будешь употреблять пять часов на одну из необходимых работ. Ты всегда можешь выбрать себе ту группу, к которой ты хочешь примкнуть, или же образовать другую под условием, что она готова будет делать необходимые работы. В свободное от обязательных занятий время ты можешь с кем тебе угодно составить общество для научного или эстетического отдыха. Таким образом, мы требуем от тебя не более 1200 или 1500 часов ежегодной работы в одной из групп, которые производят пищу, одежду, жилище, или заботятся о гигиене, о путях сообщения и т.д., и за это мы доставляем тебе все то, что эти группы производят или должны производить»⁵⁷².

Таким образом, остается достаточно времени для того, чтобы выработать и продукты, необходимые для удовлетворения менее настоятельных потребностей. «Если в поле или на фабрике та работа, которая налагается обществом, уже закончена, то другую часть дня, недели или года можно посвятить удовлетворению художественных или научных потребностей»⁵⁷³. «Любитель музыки, который захотел бы иметь рояль, мог бы вступить в союз фортепьянных мастеров; он отдал бы сюда часть своего дня и скоро получил бы желанный рояль. Тот же, кто тяготеет к астрономии, вошел бы в союз исследователей неба с его философами, наблюдателями, счетчиками и оптиками, его учеными и любителями; и он получил бы желаемый телескоп, если бы сделал только какую-нибудь работу общего характера, так как для обсерватории необходима целая масса грубой работы, труд каменщика, столяра, литейщика, механика; последняя отделка измерительных инструментов лежит, конечно, только на артисте своего дела. Одним словом, пяти — семи часов, которые каждый имеет свободными после того, как он предварительно несколько часов посвятит выработке необходимого, вполне достаточно для того, чтобы доставить ему возможность производства роскоши всякого рода»⁵⁷⁴.

«Не будет больше разъединения между земледелием и промышленностью. Фабричные рабочие будут одновременно и земледельцами»⁵⁷⁵. «Будучи главным образом периодическим занятием, которое требует в известное время, особенно во время жатвы, а еще более во время удобрения почвы, увеличения рабочей силы, земледелие создаст единение между деревней и городом»⁵⁷⁶. Равным образом «будет положен конец разделению между духовной и физической работой»⁵⁷⁷. «Поэты и ученые не найдут ни одного бедняка, который за тарелку супа продал бы им свои силы; они должны будут соединиться, чтобы самим отпечатывать свои сочинения. В таком случае писатели, а также и их почитатели и почитательницы скоро освоятся с техникой типографского дела; они научатся понимать то наслаждение, которое доставляется самостоятельной отпечаткой для общества того произведения, которое они ценят»⁵⁷⁸. «Каждая работа будет приятна»⁵⁷⁹. «Если теперь существует неприятная работа, то это потому, что люди науки никогда не задумывались над тем, чтобы сделать ее более приятной; они всегда знали, что существует

достаточно голодающих, которые за пару грошей будут работать и так»⁵⁸⁰. «Фабрики, заводы, рудники, могут быть также гигиенично устроены, как и самые лучшие лаборатории наших университетов; и чем совершеннее они будут устроены, тем больший доход будет от них получаться»⁵⁸¹. Плоды такой работы будут «бесконечно лучше и многочисленнее, чем богатства, которые до сего времени добывались под игом рабства, крепостничества и эксплуатации труда»⁵⁸².

Как же будет распределено богатство?

Каждый, кто вносит свою часть в производство, получит также и свою часть продукта. Но этот надел продукта не будет соответствовать участию в производстве. «Каждому по его силам, каждому по его потребностям»⁵⁸³. «Потребность поставят выше участия каждого в труде; будет признано, что каждый человек, который в некоторой степени участвовал в производстве, имеет право на жизнь, и даже на приятную жизнь»⁵⁸⁴; «каждый независимо от того, слаб он или силен, способен или неспособен, должен иметь право на жизнь» и именно «право на приятную жизнь; далее, ему предоставляется право самому решать, что считать приятной жизнью»⁵⁸⁵.

Запас богатства общества даст полнейшую возможность для этого. «Когда, с одной стороны, видишь ту быстроту, с какой возрастает продуктивная сила культурных народов, с другой же стороны — границы, которые поставлены, косвенно или непосредственно, их производительности существующими условиями, то приходишь к тому заключению, что даже мало-мальски осмысленное экономическое законодательство даст возможность культурным народам в течение немногих лет накопить столько полезных предметов, что придется воскликнуть: «Достаточно! достаточно угля! достаточно хлеба! достаточно платья! Мы хотим отдохнуть, с большею пользою употребить наши силы и наше время»⁵⁸⁶.

Но как же поступить, если потом запас богатств окажется недостаточным для всех потребностей? «Решение гласит: свободное пользование всем тем, что имеется в избытке, разделение того, в чем может оказаться недостаток, причем разделение это будет производиться по потребностям, но будет оказано преимущество детям, старым и вообще слабым. Так происходит теперь уже в деревне. Какая община думает об ограничении свободы и пользования лугами, пока она имеет их достаточно? Какая община препятствует своим членам, пока у нее достаточно хворосту и каштанов, употреблять их столько, сколько ей угодно? И что предпринимает крестьянин, когда топливо на исходе? Разделение по порциям»⁵⁸⁷.

6. Осуществление

Переворот, ожидаемый с прогрессом человечества, от менее счастливой к более счастливой жизни, т.е. исчезновение государства, преобразование права и собственности и наступление нового строя произойдет, согласно Кропоткину, путем социальной революции, т.е. посредством насильственного ниспровержения старого строя, которое хоть и совершится само собой, но подготовка к которому есть обязанность тех, которые предвидят ход развития.

I. Мы знаем, что мы «без сильных потрясений не достигнем будущего строя»⁵⁸⁸. «Чтобы справедливость победила и чтобы новые идеи сделались действительностью, необходима ужаснейшая буря, которая унесла бы с собой всю гниль, оживила бы своим дыханием уставшие души и возвратила бы устаревшему, разложившемуся и падающему обществу способность жертвовать собою, самоотречение и геройский дух»⁵⁸⁹. Необходима, далее, «социальная революция, т.е. конфискация народом всего общественного богатства и уничтожение всякой власти»⁵⁹⁰. «Социальная революция уже стучится в дверь»⁵⁹¹; «мы можем ожидать ее еще в конце этого столетия»⁵⁹². «Она может произойти через несколько лет»⁵⁹³. Она является «нашей исторической задачей»⁵⁹⁴. «Она произойдет независимо от нашей воли, хотим ли мы ее или нет»⁵⁹⁵.

1. «Социальная революция представляет собой не восстание нескольких дней — она может продлиться три, четыре года, пять лет, пока не закончится преобразование общественных и материальных отношений»⁵⁹⁶. «В течение этого времени взойдет все то, что мы теперь сеем, и принесет плоды, а тот, кто пока еще равнодушен к новому учению, сделается его убежденным приверженцем»⁵⁹⁷. Социальная революция не ограничится также какой-нибудь одной местностью. «Незачем, конечно, предполагать, что она начнется одновременно во всех частях Европы»⁵⁹⁸. «В Германии революция ближе, чем это думают»⁵⁹⁹. «Но где бы она ни началась, во Франции ли, Германии, Испании или России, она в конце концов распространится на всю Европу; она разгорится с такой же быстротой, как революция наших предков, героев 1848 года, и охватит огнем всю Европу»⁶⁰⁰.

2. Первым действием социальной революции будет разрушение⁶⁰¹. «Страсть к разрушению, которая так естественна и справедлива, потому что она является одновременно и страстью обновления, получит полное оправдание. Сколько старого хлама надо выбросить! Разве не все нуждается в преобразовании: дома, города, ремесленные и сельские производства и все общественные учреждения»⁶⁰². «Немедленно должно быть разрушено все то, что необходимо уничтожить: остроги, тюрьмы, крепости, в городах вредные для здоровья кварталы, очумленным воздухом которых мы так долго дышали»⁶⁰³.

И тем не менее социальная революция не будет страшным временем. «Понятно, что борьба потребует жертв. Легко понять, что народ в Париже, раньше чем отправился сражаться на границу, перебил в тюрьмах всех дворян, которые вместе с неприятелями рассчитывали подавить революцию. Того, кто будет порицать его за это, следует спросить: страдал ли ты вместе с народом и так, как он? В противном случае стыдись и молчи»⁶⁰⁴. Но народ никогда не станет, подобно королям и царям, возводить страх в систему. «Он имеет жалость к жертвам, он слишком добросердечен для того, чтобы жестокость ему скоро не надоела. Общественный прокурор, катафалк, гильотина возбуждают скоро отвращение. Через некоторое время узнают, что подобное время ужасов подготавливает только диктатуру; и гильотина будет уничтожена»⁶⁰⁵.

Сначала будет ниспровергнуто правительство. «Его силы бояться нечего. Правительства только кажутся страшными; первый напор возмущившегося народа повергает их наземь; некоторые из них могут быть разрушены в два часа»⁶⁰⁶. «Народ поднимается, и государственная машина уже стоит; чиновники в замешательстве не знают, что им делать; войско потеряло доверие к своим предводителям»⁶⁰⁷.

Но с этим еще не все кончено. «В тот день, когда правительство будет ниспровергнуто народом, должна быть уничтожена и частная собственность путем насильственной экспроприации, не дожидаясь никаких распоряжений сверху»⁶⁰⁸. «Крестьяне прогонят крупных землевладельцев, а их имения объявят общественной собственностью; они уничтожат закладные и провозгласят всех свободными от долгов»⁶⁰⁹. В городах «народ овладеет всем накопленным там богатством, отстранит фабрикантов и возьмет производство в свои руки»⁶¹⁰. Уничтожение частной собственности должно быть общим; и только уничтожение ее в широких размерах в состоянии будет начать преобразование общества, экспроприация же в небольших размерах будет походить на обыкновенный грабеж»⁶¹¹. Она распространится не только на средства производства, но и на средства потребления; «первое, что народ сделает после переворота, будет то, что он приобретет себе здоровые квартиры, достаточное количество пищи и платья»⁶¹². Тем не менее экспроприация будет иметь «свои границы»⁶¹³. «Предположим, что бедняк выгнан из-за бедности из того Дома, в котором он жил со своей семьей. Что же, его выбросить на улицу? Конечно, нет! Если дом для него и его семьи достаточно велик, он должен в нем остаться и продолжать разрабатывать сад под своими окнами. Наши парни должны необходимо прийти к нему на помощь. Если же он наймет одну комнату у кого-нибудь другого, то народ должен ему сказать: знаешь ли, брат, ты по возрасту более ничем уж не обязан? Живи в своей комнате даром; перед исполнителями судебных приговоров тебе бояться теперь нечего — ведь мы представляем новое общество!»⁶¹⁴ «Экспроприация распространится только на то, что кому-либо дает возможность эксплуатировать чужой труд»⁶¹⁵.

3. «За разрушением последует создание нового общества»⁶¹⁶.

Большинство представляет себе революцию «с революционным правительством»⁶¹⁷ во главе и в двоякой форме. Одни считают это правительство выборным. «Выставляется требование того, чтобы народ был призван к выборам, как можно быстрее было избрано правительство и ему было доверено то дело, которое должен делать каждый из нас по собственной охоте»⁶¹⁸. «Но каждое правительство, которого достигает восставший народ при помощи выборов, необходимо должно стать свинцовой гирей на его ногах, особенно при таком чудовищном экономическом, политическом и моральном перевороте, как социальная революция»⁶¹⁹. Это понимают другие; «они отказываются благодаря этому от идеи «закономерного» правительства, по крайней мере на время возмущения против закона, и проповедуют «революционную диктатуру». «Партия, низвергнувшая правительство», говорят они, «насильственно должна стать на его место. Она должна присвоить себе власть и действовать революционно. Для каждого, кто ее не признает — гильотина, для каждого, кто отказывает ей в повиновении — тоже гильотина». Так говорят маленькие Робеспьеры. Но мы, анархисты, знаем, что мысль эта есть только больной плод правительственного фанатизма и что всякая диктатура, даже самая лучшая, есть смерть революции»⁶²⁰.

«Мы сами сделаем все нужное, не ожидая приказа правительства»⁶²¹. «Как только государство станет разлагаться, а механизм угнетения портиться, начнут образовываться совершенно самостоятельно свободные союзы. Вспомним только добровольные союзы вооруженной буржуазии во время Великой революции. Вспомним об обществах, добровольно образовавшихся в Испании и сохранявших независимость страны, когда государство было до основания разрушено войсками Наполеона. Как только государство не

принуждает более к сотрудничеству, естественные потребности сами вводят тотчас же добровольное сотрудничество. Раз только государство разрушено, на его обломках должно сейчас же возникнуть свободное общество»⁶²².

«Реформу в производстве богатств нельзя будет сделать в несколько дней»⁶²³. тем более что революция, вероятно, не вспыхнет одновременно по всей Европе⁶²⁴. Народ поэтому должен будет принять предусмотрительные меры для того, чтобы обеспечить себя всем: пищей, платьем и жилищем. Первым делом население восставшего города возьмет в свои руки запасы пищи, имеющиеся у торговцев, хлебные амбары и бойни. Добровольцы составят списки всему отобранному и распространят отпечатанные таблицы в миллионах экземпляров. При этом свободно будут присваивать все то, что существует с избытком, порционно же то, что нужно распределить строго, с предпочтением для больных и слабых. В случае недостачи пополнение сделает подвоз из деревни, который будет достаточен, если только то, в чем нуждается крестьянин, производится и отдается в его распоряжение; кроме того, для этого же послужит обработка жителями города господских парков и лугов в окрестности⁶²⁵. Подобным же образом народ экспроприирует и жилища. И тут добровольцы составят листы отобранных жилищ и распространят их. Люди соберутся по улицам, кварталам, участкам и объединятся относительно раздела жилищ. Недостатки, которые должны сначала существовать, быстро исчезнут; плотники должны будут работать ежедневно только несколько часов, чтобы вскоре существующие слишком обширные жилища были переделаны соответствующим образом и выстроены, кроме того, новые образцовые дома⁶²⁶. То же случится и с одеждой. Народ захватит большие склады одежды, и добровольцы переписут запасы. То, что существует с избытком, будет экспроприироваться свободно, то же, что имеется лишь в ограниченном количестве — порционно. А то, чего прямо-таки недостает — в скором времени будет выработано на фабриках с их совершенными машинами⁶²⁷.

II. Задачей всех тех, которые предвидят ход развития, должно быть «подготовление умов»⁶²⁸ к предстоящей революции. Это-то и есть «задача тайных обществ и революционных организаций»⁶²⁹. Это задача «анархической партии»⁶³⁰. Анархисты «пока еще в меньшинстве, но число их растет ежедневно, будет расти все больше и больше, и оно станет накануне революции большинством»⁶³¹. «Что печальному взору представляла Франция за несколько лет до Великой революции, и как слабо было меньшинство тех, которые мечтали о низвержении королевской власти и феодального порядка; но какая перемена три или четыре года спустя, меньшинство начало революцию и увлекло за собой массы»⁶³². Однако как же подготовить умы к революции?

1. Раньше всего нужно разъяснить повсюду цель революции. «Необходимо проповедовать цель революции и словом и делом, пока она ко дню восстания не станет вполне популярной. Эта задача больше и виднее, чем это обыкновенно думают, ибо если цель и ясна для немногих, то с массами народа, постоянно обрабатываемыми буржуазной прессой, дело обстоит совсем иначе»⁶³³.

Но это недостаточно. «Следует пробудить дух возмущения, нужно пробудить чувство независимости и дикую смелость, без которых никакая революция не может осуществиться»⁶³⁴. «Между мирным разъяснением недостатков и восстанием,

возмущением лежит бездна, та самая бездна, которая у большинства людей различает убеждение от действия, идею от воли»⁶³⁵.

2. Средством для достижения обоих этих результатов является «деятельность постоянная, непрерывная деятельность меньшинства. Мужество, преданность, самопожертвование так же заразительны, как трусость, подчиненность и боязливость»⁶³⁶.

«Какие формы должна принять пропаганда? Все формы, которые соответствуют положению вещей, способностям и склонности. Она может быть серьезна или шуточна, но всегда она должна быть отважна. Она может вестись многими или одним. Она всегда должна использовать все средства, никогда не должна оставлять без внимания фактов общественной жизни, чтобы поддерживать в душе напряжение, давать пищу и выражение недовольству, раздувать ненависть против эксплуататора, делать правительство смешным и обнаруживать его бессилие. Но прежде всего она должна вести проповедь примером, чтобы будить смелость и дух возмущения»⁶³⁷.

«Люди чувства, которые хотят не только говорить, но и делать; светлые личности, которые предпочитают тюрьму, изгнание и смерть жизни, не соответствующей их принципам; смелые натуры, которые знают, что нужно осмелиться, чтобы достигнуть, — это все те погибшие авангарды, которые открывают сражение задолго перед тем, как народ созрел для того, чтобы поднять знамя открытого восстания, и для борьбы за право с оружием в руках. Посреди жалоб, болтовни и рассуждений появляется вдруг революционный поступок одного или многих, который воплощает страсть всех»⁶³⁸.

«Быть может, массы останутся сначала индифферентными и поверят «разумным», которые находят действия «безумными», но скоро они тайно начнут восхищаться безумцами и станут действовать с ними заодно. В то время как одни наполняют смиренные дома, другие продолжают уже их дело. Объявление войны современному обществу, попытки восстания, акты мести учащаются. Общее внимание возбуждено, новая мысль проникает в головы и достигает сердца. Отдельный поступок в несколько дней приносит пропаганде больше пользы, чем тысяча брошюр. Правительство защищается; оно свирепствует; но этим оно вызывает только то, что одним или многими совершаются следующие акты, а в мятежниках растет геройский дух. Один акт рождает другие; противники присоединяются к восстанию; правительство не соглашается, жестокость обостряет борьбу; уступки приходят слишком поздно; революция вспыхивает»⁶³⁹.

3. Для того чтобы сделать еще более ясным то средство, при помощи которого, с одной стороны, цель революции стала бы общеизвестной, с другой же — должен был бы быть пробужден дух возмущения, Кропоткин передает несколько рассказов из истории, предшествовавшей революции 1789 года. Он обращает внимание на то, что тогда тысячи пасквилей знакомили народ с порочностью двора, множество эпиграмм бичевали коронованных особ и возбуждали ненависть против знати и духовенства. Он напоминает нам о том, как королю, королеве, откупщикам-генералам грозили в плакатах, бесчестили их и осмеивали, как вешали врагов народа *in effigie* [лат. образно, символически], жгли их или четвертовали. Он рисует нам картины того, как мятежники приучали народ к улице и учили его сопротивляться полиции, войскам, кавалерии. Знакомит нас с тем, как по деревням

тайные сообщества, жакерии жгли у господ амбары, уничтожали их жатвы и леса, убивали их самих, за увеличение или принуждение уплаты главных налогов угрожали смертью. Он показывает нам, как в один прекрасный день амбары разламывались, обозы задерживались, как сжигались пограничные таможни, умерщвлялись чиновники, как погибали в пламени оброчные листы, счетные книги, городские архивы и как революция распространялась повсюду⁶⁴⁰.

«Что касается до выводов из этого»⁶⁴¹, то Кропоткин не считает нужным их делать. Он удовлетворяется тем, что называет сообщенные им факты «ценным для нас поучением»⁶⁴².

Версия #1

Зверобой создал 19 апреля 2025 02:15:56

Зверобой обновил 19 апреля 2025 02:19:02